

UOT 81

Л.О.Везирова

*Азербайджанский государственный педагогический университет
leyla-v@mail.ru*

ПОНЯТИЕ ГРАЦИОННОЙ СИНОНИМИИ (НА ПРИМЕРЕ СИНОНИМОВ XVIII–XIX ВЕКОВ)

Ключевые слова: синонимия, степень, мера, свойство, состояние

В статье исследуется понятие грационной синонимии на примере XVIII – XIX веков. В данной статье даются примеры из произведений известных авторов того времени, соответствующие данной проблеме. В результате исследования делается вывод, что в процессе, грационная синонимия подразделяется по рядам не только по смыслу, но и по степени, свойству, экспрессии, состоянию и т.д. Количество таких синонимических рядов может расти до максимума.

L.O.Vəzirova

QRASION SİNONİMİYA ANLAYIŞI (XVIII–XIX ƏSR SİNONİMLƏRİNİN ƏSASINDA)

Açar sözlər: sinonimiya, dərəcə, qərər, xüsusiyyət, vəziyyət

Məqalədə XVIII-XIX əsr sinonimləri və onların qrasion anlayışı araşdırılır. Burada o zamanın ədəbiyyatından istifadə olunur, məşhur müəlliflərin əsərlərindən fraqmentlər mövzuya aid nümunə kimi verilir. Araşdırma nəticəsində belə qənaətə gəlinir ki, qrasion sinonimiya zamanı sinonimik sıralar tək mənaca yox, həm də dərəcə, xüsusiyyət, ifadə, vəziyyətə görə də müstəqil cərgələr yarada bilirlər. Belə sinonimlər sırasının sayı maksimal dərəcədə arta bilər.

L.O.Vezirova

THE NOTION OF GRASION SYNONYMS (ON THE XVIII-XIX SYNONYMS)

Keywords: synonymy, degree, measure, property, condition

The XVIII-XIX centuries synonyms and their grasion notion are investigated. The literature of that period, the pieces from popular writers works concerning the theme are used here as examples to the theme. At the end of the investigation it was pointed out that within the grasion synonymy the rows of them change not only their meanings, but degree, comparison feature, position and may create independent rows. And feature of those rows may rise from zero to the maximum degree.

Чрезвычайно распространена т.н. градационная синонимия, внутри которой члены ряда различаются «по степени, мере, интенсивности признака, свойства, состояния, действия» например: прилежание – старание – тщание – рачение – радение – усердие – ревность – рвение, стремление сделать что-либо добросовестно; надобность – нужда – потребность – необходимый – надежда – упование – чаяние – ожидание и т.п.

В первом ряду существительным прилежание, старание в XVIII – начале XIX века присущ «нулевой градационный признак, а существительным усердие, ревность, рвение – возрастающий градационный признак, причём максимальная степень градации выражена у существительных ревность, рвение.

Эти ряды составляют открытые микросистемы, где их члены семантически и синтаксически не противопоставлены. Отсюда – возможность их употребления в одних и тех же контекстах в перечислительных группах (усердие и прилежание, рвение и тщание, надобности и потребности и т.п.). Это доказывается и широким употреблением в текстах XVIII века определительных синтагм, где определяемым словом является один из членов ряда, а определяющим – прилагательное, образованное от какого-то другого члена ряда: усердная ревность – ревностное усердие – рачительное старание; необходимая надобность – потребные надобности – необходимые нужды – необходимые потребности.

О чрезвычайной семантической близости и градационных различиях внутри таких рядов свидетельствуют следующие примеры из литературы того времени, например Радищев в «Путешествие из Петербурга в Москву» писал: «Крестьянин пашет с великим тщанием». Или М.В.Ломоносов в «Оде на день восшествия на Всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елизаветы Петровны 1747 года» писал:

«О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободрены
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать».

Далее можно привести примеры из «Опыта о законодательстве» Радищева: «Ежели кто из магистрата в вверенной ему службе окажет тщательное радение». В комедиях Фонвизина встречаем: «С какого тщания, рачения, радения... ревностью помогает он страждущему

человечеству; Слух о сих мерзостных злодеяниях выпалил рвение Колилисфена».

В целом ряде случаев наблюдается среди отвлечённых существительных того времени такой вид синонимии, когда центральное слово Сц за счёт своей многозначности (и отвлечённости) образует сразу два или даже несколько синонимических рядов: С₁, С₂, Сц₁, С₃...и С₄, С₅, С₆.... Например, С₄ благородство образует по существу два синонимических ряда:

1) Знатность – благородство – родовитость – велеродие – великородие – аристократизм (достаточно позднее заимствование) рождённый в знатной, аристократической семье;

2) Изящество – возвышенность – благородство – великодушие нравственная добродетель, умение быть благородным.

Семантическая дифференциация между такими синонимическими рядами достаточно чёткая и объединение их в один ряд затруднительно, хотя и возможно. Например: Чего стоит благородство моего происхождения? Что есть в них кроме великородия? (Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву., с. 156), и

... Не в первый раз явив
Души прямое благородство.

(Пушкин. «Евгений Онегин»)

Наконец, также, как и конкретным существительным, отвлечённым существительным в литературном языке XVIII века – начала XIX века свойственна и контекстуальная семантическая синонимия, то есть синонимия, которая проявляется только в контексте, причём синонимические отношения могут возникать между словами с антонимической семантикой. Например: «А мне кажется будто премудрость её на глупость походит» (Фонвизин. Комедии).

В данном примере слово премудрость употреблена в ироническом переносном значении и стало синонимом слова глупость; в обычном же употреблении эти слова образуют два синонимических ряда:

1) премудрость – благоразумие – прозорливость – разум – мудрость.
Например:

Прозорливость той небесну,
Разум, духа высоту,
Которой мудрость совершенна...

(Державин. Сочинения)

Однако после того лет с десятка три в таком благоразумии здравствует (Фонвизин. Комедии)

В контекстуальные синонимические отношения могут вступать и слова, не имеющие прямых связей, но выступающие в тексте в качестве различных отвлечённых оценок одного и того же деянья:

Хвала отечества спасенью,
Злодейских замыслов рутиною!

(Рылеев. Сочинения)

Слова спасенье и рушенье здесь выступают как равносемантические.

Однако родственность семантики во всех вышеприведённых видах синонимических рядов вовсе не означала равнозначности их употребления в литературном языке того времени. Как известно, писатели того времени от Тредиаковского и вплоть до Карамзина и Дмитриева придерживались системы трёх стилей – высокого, среднего, низкого, – заимствованной М.В.Ломоносовым у теоретиков французского классицизма. Система эта характеризуется относительно строгой и устойчивой прикреплённостью стилистически окрашенных средств языка к определённым видам письменности или жанрам литературы.

«Одной из характерных черт системы трёх стилей, как она сложилась к середине XVIII века, является стилистическая замкнутость, стилистическое единство контекста. В основе этой черты соответствие стилистических свойств языковых элементов «материи», предмету повествования и рассуждения надо понимать лишь как зависимость языка от темы повествования, общего содержания, куда входит и характер авторского восприятия этого содержания, проникающее всё повествование построения. «Давление стиля» определяет отбор языковых средств для всего контекста».

Как было показано выше, отвлечённые существительные рассматриваемого периода, в основном, являются книжными образованиями и, следовательно, в большинстве своём должны были употребляться преимущественно в «высоком» или «среднем», «штиле», то есть «стилистический разброс» в синонимических рядах не должен быть велик, а, значит, и стилистическая синонимия не должна проявляться очень ярко. Действительно, многочисленные литературные примеры показывают, что отвлечённые существительные – синонимы в поэзии и прозе того времени употребляются как правило, рядом:

Не сильно нежит красота
Той утехи и приятство...

(Державин)

Глядит на прелесть и красы

(Державин)

И дух мятется от печали,
И не приспели скорби злые

(Державин)

Своё всё потопляем горе,
Забыть и нам всю грусть пора...

(Державин)

В данном случае совместное употребление слов синонимических рядов красота – приятство – прелесть – краса и грусть – скорбь – печаль подчёркивает их стилистическую однородность, приспособленность к одному стилю речи.

Однако значит ли это, что стилистическая синонимия отвлечённых существительных отсутствует в XVIII – начале XIX века начисто? Конечно нет. Разные пути формирования синонимических рядов, разные их источники должны были привести к стилистическому разграничению между синонимами.

Так, в «высоком штиле», как правило, использовались отвлечённые существительные исключительно славянского или церковнославянского происхождения, что и придавало ему выпренность, риторичность по сравнению с общеупотребительным языком. Значительную роль здесь играют образования на -ие: омерзение, восхотение, благоумышление, искушение, воздыхание, благоповедение, доброголасие, самоизволение, блутение, возглавие, любочестие, любомщение, вожделение, стыдение, единозвучие, благорастворение, возгорение, восчувствование, алчность и т.д.

Легко заметить, что все эти «высокие слова» легко можно заменить словами – синонимами, принадлежащими к «среднему» стилю речи: так, во фразе: «Сей горе – командир, будучи, так сказать, с ног до головы замаран дерьмом...по смешному своему любоглавию, восхотел тогда ещё и покичиться своею потерянного уже надо мной властью...(Болотов) слово «любоглавие» легко заменить на «тщеславие»; во фразе: «...и алчностью своей был подвигнути» (Он же) слово «алчность» можно заменить словом «жадность» и т.д.

Важное значение для «нейтрализации» отвлечённых существительных – церковнославянизмов имел опять – так и процесс заимствования. Так, упоминавшееся выше существительное единозвучие в среднем стиле получило в качестве распространённого своего синонима не однозвучие, как ожидалось, а гармония, т.к. заимствованное слово более полно передавало семантику этого церковнославянизма.

Проникновение в литературный язык отвлечённой лексики из обиходного, народного языка также приводило к возникновению стилистической синонимии, сведение в синонимическом ряду слов

среднего, низкого и высокого «штилей». Например: мор-смерть, гордость-гордыня и т.д.:

И в тех трудах всяк тебя как мору сужится,
Смеётся, гнушается...
... Епископом хочешь быть – уберися в рясу,
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Пусть прикроет...

(Кантемир. Сатира I)

Принадлежность этих строк к «низкому» стилю очевидна. А вот употребление синонимов слов мор и гордость в одах (то есть традиционно «высоких» произведениях) Державина и Рылеева:

.... Гордынею вновь полн, решился...

(К.Ф.Рылеев)

Чтоб дух мой в смертность облачился,
И чтоб чрез смерть я возвратился...

(Державин)

Аналогичные отношения наблюдаются и в «метафизической» лексике: бытность – бытие (высокий стиль) – существование (средний стиль) и т.п.

Конец XVIII – начало XIX века ознаменовался началом нового «карамзинского» этапа в развитии русского литературного языка. В это время кастовость, искусственность церковнославянского языка и связанного с ним «высокого штиля» становится очевидной и «карамзинисты» активно выступают против её активного употребления, затрагивая одновременно и отвлечённые существительные. Так, П.Макаров в статье «Критика на книгу под названием «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... А.А.Шишкова» особенно нападает именно на взгляды Шишкова на отвлечённые существительные. Макаров пишет о Шишкове, что «вместо влияния он велит писать наитствование, вместо развития – прозябение понятий», и указывает, что «писатель обязан иметь некоторое уважение к общему вкусу». Однако А.А.Шишков защищался, выдвинув интересные положения. Он указывал, что выпадение из синонимического ряда с $C_{ц}$ = «красота» слова «лепота», слова «деяние» из ряда с $C_{ц}$ = «деятельность» приведёт к утрате генетических корней и «необъяснимости» целого ряда других слов – великолепие, злодеяние и пр.

История выделила рациональное зерно в воззрениях и сторонников Шишкова, и сторонников Карамзина, выступив в качестве ведущих

языковых тенденций, устраняющих лексическую избыточность и сохраняющих богатство семантических оттенков.

Следует отметить, что отвлечённые существительные, за исключением явно искусственных и книжных образований, использовались во всех стилях речи, и часто стилистическая синонимия основывалась на низших, «механистических» её типах. Например: счастье (высокий стиль) – счастье (средний стиль); разлучение (высокий стиль) – разлука (средний стиль); воздыхание – вздох и т.д. Значительно расширяли синонимические ряды т.н. семантические заимствования; например: под влиянием французского языка к синонимическому ряду – безстрашие – спокойствие, равнодушие прибавилось слово холодность.

С развитием собственно беллетристической литературы, с возникновением необходимости передачи психологического состояния героев значение отвлечённой лексики возрастает. Приведём в качестве примера небольшой отрывок из Фонвизина: «Однажды я, проводя у них вечер, нашёл тут сестру её родную, женщину пленяющего разума, которая достоинствами своими тронула сердце моё и вселила в него совершенное к себе почтение. Я познакомился с нею и скоро узнал, что почтение моё превратилось в нелюбовлю приятную к ней привязанность. Я не смел ей открыться, ибо она была замужем. Накануне моего отъезда, увидясь с нею наедине, открылся я ей в страсти моей искренно. «Ты едешь, – отвечала она мне, – и бог знает, увидимся ли мы ещё, – я на тебя ссылаюсь, как я от тебя убежала и как старалась скрыть от тебя истинное состояние сердца моего; но разлучение с тобою и неизвестность свидания, а паче всего сильная страсть моя к тебе не позволяет мне долее притворяться: я люблю тебя и вечно буду любить». Я так почитал эту женщину, что признанием её не смел и помыслить воспользоваться»...

Такая «популярность» отвлечённой лексики, естественно, ускоряла её развитие, делало его динамичным, что приводило к значительному изменению синонимических отношений между ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 2010, 494 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978, Т.3, 555 с.
3. Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. М., 1974, 272 с.
4. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. М., 1981, 376 с.
5. Княжнин Я.Б. Сочинения. 1958, Т. 2, 243 с.

6. *Сорокин Ю.С.* О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. / В сб. Процессы формирования лексики русского литературного языка (От Кантемира до Карамзина). М-Л, 1966, 565 с.
7. *Тришин В.Н.* Толковый словарь русского языка. М., 2004, 675 с.